

Л.Н. МИТРОХИН

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МИТРОХИН Лев Николаевич - доктор философских наук, член-корреспондент РАН.

В советский период религия была вытеснена на периферию общественной жизни, церкви было запрещено вести какую-либо самостоятельную социально-политическую (даже благотворительную) деятельность. Ее исследованием занимался сравнительно узкий круг академических ученых. Сегодня религия оказалась в центре общественного внимания. Выросло число действующих приходов. И власти, и "оппозиционные" политики широко используют религиозные символы и сюжеты для обретения привлекательного имиджа; даже светские авторы рекламируют религию как фундамент подлинной морали, как незаменимое средство нравственно-духовного возрождения.

Вместе с тем, эти проблемы обсуждаются на весьма поверхностном, морализаторском уровне, идеализируется история церкви, вычеркивается богатое материалистическое и антиклерикальное наследие, насаждаются новые мифологемы по принципу "все наоборот". Так что профессиональное понимание "религиозного фактора" стало насущной потребностью общества, условием его успешного обновления.

В результате обвала прежних идолов и идеалов возникла мировоззренческая сумятица, ускоряется духовно-нравственное одичание общества, происходит распад живой социальной ткани. Образовавшийся вакуум заполняется не только ценностями развитых "цивилизованных" религий, но и различными мистическими и оккультными представлениями, неоязычеством и всякой чертовщиной.

Страна переживает подлинное нашествие чужеземных религий. Уже "прописались" многочисленные миссионерские центры, которые, пользуясь тяжелым финансовым положением (СКВ!), широко скупают эфирное время, арендуют лекционные залы, организуют постоянно действующие школы, семинары, лектории, издают обширную миссионерскую литературу, в том числе и учебники, некоторые из которых уже попали в систему государственного образования.

Особую тревогу вызывает оголтелая экспансия многочисленных квазирелигиозных образований (культов, нетрадиционных религий, "тоталитарных сект"): "Церковь унификации", "Общество сознания Кришны", "Церковь сайэнтологии" и др. Применяя изощренную психотехнику, "культы" губительно влияют на психику людей и их личностное сознание, превращая своих последователей в жизнерадостных роботов. Аналогичные группы возникли и на почве православия ("Великое белое братство", "Богородичный центр", "группа Виссариона" и др.). Однако, в средствах массовой информации господствуют самые дилетантские представления о таких новообразованиях. Примерами могут служить материалы о событиях в Киеве, связанные с "Белым братством" или сообщения о деятельности "АУМ синрике". К сожалению, этот дилетантизм обнаруживают и люди, ответственные за регулирование и правовое обеспечение взаимоотношения государства и религиозных объединений. Стремясь побыстрее приобщить страну к "цивилизованному" миру, они часто механически

копируют юридические нормы Запада, игнорируя специфику отечественной культуры, особую роль в ее становлении православия и ислама. Так, почти автоматически регистрировалась любая организация, объявившая себя религиозной,— будь то псевдорелигиозная "Церковь сайэнтологии" или террористическая "Ананда Марг". Результат налицо: именно подобные культы быстрее всего распространяют свое влияние. Пока число их приверженцев сравнительно невелико, но каждый такой верующий (а это, как правило, люди молодые) - это фанатик, вернуть которого в общество, а часто и в семью - крайне сложно.

Нуждается в уточнении едва ли не общепринятое представление о том, что сегодняшняя Россия переживает бурное "религиозное возрождение". Дело в том, что суть конфронтации прежней официальной ("диаматовской") и новой ("демократической") идеологии составляла не проблема отношения к вере в Бога, и не "атеистическое и религиозное" были ее непримиримыми альтернативами. Последние были, если употребить выражение Маркса, "превращенными формами" выражения более глубоких социальных конфликтов.

Ныне достоянием гласности стали многие мрачные события и факты послеоктябрьского периода: массовые репрессии, трагические судьбы выдающихся деятелей культуры, намеренно вызванный голод на Украине в начале 30-х годов и т.п. Особой жестокостью отличалось отношение к церкви, духовенству, миллионам верующих. Эти проявления беззакония вызывали растущий гнев и осуждение, которое, естественно, распространялось и на государственную идеологию, которая такую практику оправдывала (или скрывала), в том числе и на "научный атеизм". Последний резко отличался от "атеизма", как он формировался в мировой истории. Он, так сказать, "оглавлял" официальную идеологию ("азбука марксизма"), был ее неотъемлемым компонентом. Воинствующее безбожие навязывалось как обязательная установка всякой области духовного производства - литературы, искусства, поэзии, права, гуманитарного знания. Поэтому ломка любого элемента прежней системы сразу выявляла религиозные обертоны. Осуждение, криминального прошлого, в конце концов, привело к тому, что "атеизм" превратился в бранное слово, а его приверженцам стали вменять в вину разрушение нравственности, вандализм по отношению к памятникам культуры и даже массовые репрессии.

Между тем мировоззренческий вакуум должен был быть заполнен. Новое мировоззрение должно было удовлетворять, по меньшей мере, трем требованиям: 1. Быть противоположным прежнему, символизировать полное "сжигание мостов"; 2. Быть цельным, универсальным, способным ориентировать человека во всем многообразии каждодневной жизни; 3. Иметь приверженцев, готовых убежденно и настойчиво внедрять его в общественное мнение. В нынешней обстановке таким мировоззрением могла стать только религия.

Значит, все же, "религиозное возрождение"? Отнюдь нет. Специфику ситуации точно уловил А. Вознесенский: "Стал весь народ как Христос коллективный. Мы некрещенные дети империи веру нащупываем от противного". Иными словами, главной причиной интереса к религии были не "положительные" конфессиональные ценности, а отталкивание от прежней авторитарной, "принудительной идеологии", стремление отстоять свою духовную, мировоззренческую автономию. Отвергая жесткую догматическую систему человек часто не задумывается о конкретном вероисповедании, которое он готов принять, предпочитая именовать себя "верующим вообще". Красноречивый факт: в 1992 г. верующими себя назвали 40% населения. Но как только ставился вопрос об исполнении обязательных обрядов (молитва, регулярное посещение церкви и т.д.) этот процент резко падал, составляя 10-14%. Отсюда любопытный факт, фиксируемый социологическими опросами: значительное число не только "верующих вообще", но и приверженцев причудливых эклектических систем: культа НЛЮ, разного рода неязыческих представлений, астрологии.

Но главное, пожалуй, в другом. Широко рекламируемый "религиозный бум"

затронул преимущественно слой интеллигенции, прежде всего деятелей культуры, наиболее чувствительных ко всякого рода духовным поветриям. И часто это было не подлинное обращение (акт сугубо личностный, глубоко затрагивающий весь духовный строй человека), но либо дань моде, либо декорация, продиктованная сугубо земными, например, политическими интересами и амбициями - не внутренняя вера, а некая поза, рассчитанная на посторонних. Не истинное религиозное возрождение, а "религиозное мление", когда "символические формы богочитания подменили реальное искание Царства Божьего" (Н.А. Бердяев). Что же касается значительной части населения, так сказать, трудящихся, то здесь едва ли произошел какой-то серьезный перелом. Большинство из них относятся скептически или, по меньшей мере, индифферентно к конкретным религиозным течениям, довольствуясь весьма смутными представлениями о некоем высшем сверхъестественном мире. Так что недавно промелькнувшее газетное сообщение, что большинство россиян является православными, - миф чистой воды. На наш взгляд, верующие в строгом смысле этого слова (в отличие от тех, кто таковыми себя объявляет) составляют не более 15—20%.

Высказанные соображения могут показаться чисто умозрительными. Однако, как представляется, они подтверждаются данными социологических опросов. (В частности теми, которые приведены в книге "Религия и политика в посткоммунистической России". ИФРАН. 1994.) Кстати сказать, они свидетельствуют и о другом, крайне существенном факте: в последние годы религиозный ажиотаж начинает постепенно спадать. Это, между прочим, свидетельство приобщения к цивилизованному обществу, где неумолимо, хотя и с попятными движениями, совершается процесс секуляризации.

Профессиональное, спокойное исследование религиозного фактора во всех его проявлениях (например, в межнациональных конфликтах) - одна из приоритетных задач обществоведов. Поэтому настало время осуществить определенные организационные меры, чтобы скоординировать, объединить усилия соответствующих институтов для всесторонней разработки этой проблематики.